

ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК

I ЧАСТЬ – ПОДЗЕМНЫЙ МИР ПЛАНЕТЫ

3. ОГЛЯНИСЬ НА БЕГУ И ПОЙМИ...

3. КЕЙВИНГ–ПОЛИС НА ВОСТОКЕ

Говоря о Казахском кейвинге, я должен сказать и о своем клубе. Хотя бы потому, что мы кое-что сделали за эти годы, о чем не стыдно рассказать.

"Разложенные на снегу веревки, вбитые в скальный гребень крючья, серьезные лица ребят – все залито солнцем. И странно смотрятся в этом ослепительном сиянии фонари на касках штурмовой группы, которая, в случае удачи, должна уйти вниз вслед за мной."

Группа спелеологов областной станции юных туристов ведет поиск пещер в скалистом ущелье недалеко от села Горная Ульбинка. Это черное "окно" – пещера в 50-метровом отвесном утесе – хорошо видно снизу из ущелья. Но сейчас оно закрыто скальным выступом где-то под нами.

– Страховка готова?

– Готова!

Эти ребята еще не видели пещер. Сказочный мир подземных дворцов знаком им лишь по фотографиям и слайдам. И вот – первый поиск! Что же там, внизу, за черным манящим "окном" пещеры?

– Пошли!

Склон становится все круче. Шуршит страховочная веревка, защелкнутая карабином на груди. И вот отвес. Где-то внизу темно-зеленые свечи пихт на голубоватом снегу, маленькие фигурки наблюдателей из вспомогательной группы. Отталкиваясь ногами от стены, скольжу вниз вдоль скалы. Небольшой траверз влево, и я у входа в пещеру. Отстегиваюсь от страховки, включаю фонарь, но... Ход через три-четыре метра обрывается тупиком.

Первый поиск и – первая неудача. Их еще много впереди. Но будут и находки, будут удачи".

Складываю газету. Неужели это когда-то было? И мы, в коротких штанишках, робко заглядывающие в таинственный мир кейвинга? Маленький кружок юных спелеологов при станции юных туристов в городе Усть-Каменогорске.

23 октября 1978 года – день первого занятия кружка, считается датой возникновения спелеологии в Восточном Казахстане.

* * *

Каждый, кто начинает работу со школьниками в надежде создать боеспособный коллектив, обречен на успех, если будет соблюдать определенные правила работы. Я не оговорился – именно, обречен. Школьники-подростки – благодатный материал, несмотря на всю их внешнюю неподатливость и независимость.

Но, прежде всего, надо запастись терпением. Сначала понадобится года два-три, чтобы обучить необстрелянную молодежь, потом годик сносной работы, когда уже, вроде бы, начало получаться, и... пошел отток выпускников секции в армию и институты. И еще два года вы теряете и теряете лучших бойцов. Вы пишете письма и получаете конверты с армейскими треугольными печатями. А набор идет за набором, потому что ваша секция несет непрерывные потери и без новичков ей просто не выжить.

Многие приходят, чтобы после несколько занятий и тренировок навсегда покинуть секцию. Одним не нравится – и это понятно: ребята только еще ищут свое место в жизни и пробуют все подряд. Других не пускают родители, третьи не могут уяснить и усвоить необходимую дисциплину, и с ними приходится расстаться. Горы не любят разболтанности. Тем более – пещеры.

А тут еще кажется, что все против вас. И правила проведения походов с учащимися, не допускающие в вертикальные пещеры "детей" младше 16 лет. Но как быть, если во всем Казахстане нет ни одной сколько-нибудь приличной горизонтальной пещеры? Ездить в другие республики? Здесь начинаются еще большие проблемы. И прежде всего – финансовые.

Но и без финансов – проблем через край. Как-то у нас даже появилась горькая поговорка:

"Нет лучшего способа загубить дело, чем пустить его официальным, легальным путем."

* * *

Никогда не забуду, как "зарубили" нашу вторую спелеоэкспедицию со школьниками в Красноярский край. Даже в Москву летал за разрешением. Не помогло. Никто из многочисленного начальства не решился дать "добро" – ведь, запретив, ничем не рискуешь.

Что было делать? Единственный ключ к заартачившемуся чиновнику – взятка.

Но наука о штурме пещер и пропастей этим приемам не обучает.

Так что, пошел по официальному пути – не удивляйся.

Пошел по нелегальному – не удивляйся вдвойне!

Срыв экспедиции – ведь ее ждали, к ней готовились, видели во снах, – тяжело бьет по всему делу, по ребятам. Пропадает вера в слова старших, в возможность Необычного в этом привычно-сером мире, в реальность чего-либо выходящего за узкие рамки дозволенной повседневности.

* * *

После прихода в секцию новичков, главное – дотянуть команду до первого хорошего похода. Попавшие в такую поездку практически всегда остаются в команде надолго. Напротив, после неудачи жди резкого спада активности, массового ухода из секции.

Чего только не предстоит вынести на своих далеко не железных плечах руководителю спелеологических походов с учащимися! Груз этот велик, одна из его основных составляющих – отсутствие права на ошибку.

Это, конечно, абсурд, потому что человеку свойственно ошибаться. Так или иначе, ошибаются все. Руководители походов со школьниками не любят говорить о своих ошибках. Оно и понятно. Могут последовать оргвыводы, не дадут денег на следующую поездку: в итоге пропадет весь труд. В результате каждый из нас проходит свой путь в одиночку.

Не зная чужих ошибок, легче ошибиться самому.

Встающий на этот путь должен знать, что его ждет.

Вы тащите теоретические занятия и тренировки. По воскресеньям – выезды на скалодром и походы.

Хорошо, если еще нет семьи.

Лекции, занятия, тренировки. Вы – в замкнутом кругу. Вы не можете прервать этот монотонный процесс. Перерыв в занятиях и тренировках – на практике это всегда потеря кого-то из – таким трудом собранных, ребят.

И тут же другая угроза – ревизоры. О, сколько крови портят тренерам эти проверяющие всех уровней и мастей! Приходят на занятия некомпетентные в твоём деле люди, считают детей по головам, как баранов. Инструкцией определено, что у вас должно быть пятнадцать – к примеру, человек в группе. А на занятии двенадцать? Почему? Зря зарплату получаете, молодой человек! Ах, у вас в другой группе тридцать? Это нормально. Но доплаты не положено – у вас ставка кружководы.

А лучшие ваши ребята все уходят и уходят от вас, и кажется, что еще немного, и не выдержишь, и плюнешь на всю эту административную нервотрепку.

Запомните, Коллега. Только через пять-семь лет забрезжит свет в этом утомительном занятии. Это когда начнут возвращаться.

* * *

Я помню их всех – четырнадцать участников первой экспедиции моего спелеокружка в пещеру Караульную под Красноярском в марте 79-го. Сергей Новоселов и Дима Запольский, братья Олег и Володя Шищенко, Сережа Ипатов и Володя Беляков, Марина Рыбакова и Оля Григорьева, Лена Грядунова, Оля Капустина, Лена Снежурова, Ира Созинова и Игорь Кадоркин. И мы со вторым руководителем Валентином Володиным, ранее занимавшимся спелеотуризмом в Красноярске.

Наш рекорд глубины: –55 метров. Лиха беда – начало!

* * *

До января 1984 года Усть-Каменогорский спелеоклуб назывался "Кальцит" – сказывались сибирские мотивы, навеянные четой томицей Володиных.

Постепенно в секцию стягивались новые силы. Вместо быстро ушедшего Валентина, появляется очень яркий человек и надежный товарищ Шынгыс Габбасович Дюйсекин. Деятельная натура, мастер на все руки, Шынгыс увлекся спелеологией в возрасте 31 года, в числе первых получил инструкторское звание, оказал огромную помощь в обеспечении клуба самодельным снаряжением. Его руки творили любую железяку с качеством, непривычным для нашей повседневности.

То, что сделано Шынгысом, – надежно! Это знали все.

Шаг за шагом "Кальцит" выдвигается в лидеры республиканского кейвинга, все более убедительно выглядим мы на фоне слабеньких спелеосекций других городов Казахстана.

Через пять лет после возникновения наступает долгожданный качественный скачок.

Летом 1983 года пятерка усть-каменогорцев под руководством Дмитрия Запольского участвует в башкирской экспедиции на хребет Алек. Впервые имена легендарных пропастей – ТЕП, Заблудших, становятся для моих парней реальностью. Дно этих пещер, кроме Димы, увидели Александр Ван, две подружки Ирины – Фефелова и Неверова и Оля Капустина, за спокойствие и безотказность в работе получившая уважительное прозвище – Дядя Оля.

Это еще не наша экспедиция, но наши люди уже заглянули в глубину.

И, наконец, августовская, 83-го года, экспедиция в Кутукское урочище. Впервые Усть-Каменогорск в роли республиканского лидера собирает под своими знаменами представителей всех клубов Казахстана. Здесь Толмачев, Шакалов, Федянин. Прямо на Урал прибывает с Кавказа часть команды Запольского.

И уральская экспедиция удалась. Открытие галереи Фортуны увенчало ее незабываемым ореолом общей удачи.

После того сезона клуб меняет свое название. Многолетние исследования пропасти Кутук-Сумган становятся побудительным толчком, лейтмотивом. Усть-Каменогорский спелеоклуб принимает название "Сумган".

* * *

1985 год – год свершений. Чего только не происходит в этом замечательном году! Замечательном, тяжелом и безусловно переломном во всей мировой истории. Ведь именно в этом году началась историческая Перестройка советского строя, плоды которой мы пожинаем до сей поры.

Тогда мы не знали еще, что будет, но чувствовали: 85-й – это взрыв, новый качественный скачок.

Зима пришла морозная. Алтай стонал от холода, в Бийске прервались занятия в школах, не хватало тепла. В такой обстановке наша январская экспедиция в алтайские пропасти казалась сплошной авантюрой. Можете себе представить, каково после 100-процентной влажности пещеры, усталыми и мокрыми, выйти на 40-градусный мороз? Кто пробовал – поймет наши опасения.

И все же мы идем! На душе празднично, и легко ложатся на бумагу строчки:

Наш поезд вдаль бежит,
Качаясь, как качели,
И солнышко в окно
Так ласково глядит!
Мы едем – не грустим
На целых две недели:
Едва открыт блокнот
Алтайского пути. (*105)

Листаю потертые странички экспедиции "АЛТЭКОЛ-85".

... Бабульки в валенках, в платках по брови, разворачивают в вагоне нехитрую снедь.

- О-о, ты по богатому едешь.
- Чтой-то?
- С горчицей!
- Какая горчица? Лекарство!

Избушки все в снегу,
Березки, сосны, ели
Сменяются в окне –
Не отвести глаза!
И едем мы в тайгу
На целых две недели:
Там ждет нас в зимнем сне
Алтайская краса!

А ведь похоже, теплеет. Протаянные пятна на окнах больше не затягивает ледком. Окна в этом поезде на удивление чистые. Ребята, забившись в одно купе, играют в "слова".

- Называем животных на "в". Начинай, Оля.
- Волк.
- Лена?
- Варан.
- Бондаренко?
- Вобла!

Олег Бондаренко занят. Он, одновременно с игрой, экзаменует Ержана на знание узлов:

- Завяжи "восьмерку".
- Сейчас, – Ержан вяжет узлы вслепую за спиной.
- Завязал?
- Завязал.
- Покажи.
- А в какой руке узел?

Мороз нас пропустил, но его следы мы видим на каждом шагу. На мосту через Катунь ветерок-потяга. Под мостом – лед. Сковал белый панцирь горную реку. Лишь местами на быстрине – иссиня черные полыньи. В их невероятно прозрачной глубине вижу диковинные жемчужные шары.

Ба! Да это донный лед! В книжках читали, а чтоб увидеть живьем!..

Зимний кейвинг на Алтае – это снег и лыжи, это голые лиственницы на пологих хребтах, это уютные одинокие избушки на месте некогда многолюдных деревень.

И эти таежные места не миновала большевицкая политика: доукрупнялись – вымерли деревни. От многих остались лишь названия – Устюба, Камышла. Народ стянулся с некогда обжитых мест в города, в большие поселки, поближе к трактам.

"Впервые за шесть лет со времени возникновения спелеотуризма в Восточном Казахстане экспедиция усть-каменогорцев достигла 200-метровой глубины в пещере Алтайская. Следующая пещера – Экологическая. Штурм ее до отметки –200 метров занял в общей сложности 28 часов".

Так написала о нас областная газета "Рудный Алтай", а мы возвращались счастливые.

И лыжи пели под ногами.

Тронул дымкою горы
Голубой снегопад,
И теперь уже скоро
Мы вернемся назад.
Льдом одетые речки
Будем видеть во снах.
Устюбинка, до встречи!
Ты меня вспоминай! (*106)

С каждым накатыстым шагом по лыжне, с каждым толчком палок мы ближе к дому. И кажется, что никогда не было пещер, нашего сурового и мрачноватого мира. Так бывает всегда. Мы уходим в пещеру, а дома остаются те, кто ждут нас и беспокоятся.

Кейвинг – безусловно экстремальный вид человеческой деятельности. Не только по природным и климатическим условиям, в которых приходится работать, не только из-за всепроникающей ледяной воды с ее вечной (кроме зимы) угрозой паводка и

затопления. И не из-за умозрительной возможности заблудиться, сорваться, "поймать" камень на каску. Все это только потенциальные опасности. Реализуются ли они – на 99 процентов зависит от самого человека. Возможно, в этом и прелесть кейвинга – в возможности сохранять контроль над потенциально опасной ситуацией, силой разума и технической подготовленностью нейтрализуя агрессивные факторы.

Не тревожся, родная,
Вспоминая меня,
Мы прошли сквозь завалы,
Шкуродеры кляня.
До свиданья, Алтайка!
До свиданья, Кек-Таш!
До свиданья, простая
Этих мест красота!

Современные научные исследования ставят кейвинг в один ряд с экстремальными видами человеческой деятельности и в плане психологических нагрузок (*107). Сложные спелеоэкспедиции проходят под гнетом полного спектра психотравмирующих факторов. Вот их перечень.

Монотонность. Мощный поток раздражителей, воздействующий на наши органы чувств на поверхности земли, в пещере резко ослабевает. Холод, темнота, желто-черный спектр цветов, вода и скалы. Шум воды, шорох комбинезона о камень, лязг снаряжения. Под землей происходит изменение афферентации – характера сигналов, передаваемых от тканей к центральной нервной системе, со стороны вестибулярного и опорно-двигательного аппаратов, так как способы передвижения по подземному рельефу весьма отличны от привычных нам на земле.

Рассогласование ритма сна и бодрствования. Это беда подавляющего числа экспедиций. Неритмичность работы, обусловленная тактическими соображениями или как результат слабой подготовленности, сверхдлинные периоды работы с последующим длительным восстановлением сил – все это усугубляется отсутствием внешних признаков смены дня и ночи в вечном мраке пещеры. В организме человека известно около 300 процессов, подверженных суточной периодичности. Наивно полагать, что их можно запросто, в течение пары недель, волевым порядком перестроить, тем более приспособить к постоянно меняющемуся ритму подземной работы. Такое рассогласование внешних и внутренних ритмов неизбежно ведет к истощению нервной системы и развитию неврозов.

Изменение восприятия пространственной структуры. На поверхности земли все предметы воспринимаются на фоне пространства, богатого разнообразными ориентирами. В пещере все иначе. Луч налобного фонаря, совмещенного с точкой зрения, рождает видимую картину, лишенную теней, облегчающих стереоскопическое восприятие рельефа.

Невольно подкрадывается улыбка:

"Когда кругозор человека сужается до минимума, он говорит: "Моя точка зрения!"

Или:

"Круг его интересов был ограничен лучом его налобного фонаря!"

Шутки шутками, но физическая сущность фразы в достаточной степени соответствует реальному положению вещей при движении по пещере.

В результате многие из нас помнят сложности, испытываемые порой при визуальной оценке глубины отвесов и высоты стен: иногда так и хочется прыгнуть с "небольшого" уступчика, который на поверку оказывается в два-три раза глубже.

И снова улыбка:

"Чем отличается прыжок с двух метров от прыжка с двадцати?"

С двух метров: Бум! – А-а-а!

С двадцати: А-а-а! – Бум!"

Длительная работа на вертикалях тоже вызывает особые ощущения, измененное восприятие окружающего пространства.

Помню, как в пропасти им.Илюхина на Арабике на подъеме по 46-метровому колодцу, я некоторое время висел и тупо соображал, почему срывающиеся с карниза надо мной капли падают вниз не отвесно, а как-то под углом, будто из перспективы.

Мы не говорим уже о спелеоподводниках, работающих и вовсе в сверхсложной среде, сочетающей признаки невесомости и воздействие изменяющихся гравитационных полей, и все это – часто при нулевой видимости из-за взмученной ластами воды.

Сложности в адекватной оценке окружающего пространства вызывают повышенную эмоциональную напряженность, приводя опять-таки к развитию разнообразных неврозов.

Ограничение информации. В обычной жизни на нас непрерывно низвергается поток разнообразнейшей информации, которую можно условно разделить на три основных вида: личную – информацию, ценную для узкого круга родных и друзей, специальную – имеющую ценность в пределах формальных общественных групп, и массовую. В экспедициях – этот поток превращается в слабенький ручеек, почти пересыхающий в пещере. Наслаждение информационным вакуумом первых дней жизни в горах, постепенно сменяется болезненным ощущением неосознанного информационного дискомфорта. Ученые пришли к выводу, а мы испытали на себе, что длительное ограничение в обычной, но лично-значимой информации может вызвать у человека неврозоподобные состояния и даже выраженные неврозы (*108).

В обиходе это определяется емким понятием: "Тянет домой".

Одиночество. В пропасти каждый сам по себе. Один на один с пещерой. Где-то сзади и впереди идут товарищи. Но ты – все-таки идешь сам, один, отделенный от других колодцами, уступами, навесками, перегибами меандра. И только мысли сопровождают тебя в этой дороге. Не редко и действительное одиночество – на маршруте при сольных бросках, задуманных или вынужденных, в лагере на дежурстве, да мало ли! Длительное одиночество неизбежно приводит к определенным и не всегда положительным изменениям в психической деятельности. Особенно это сказывается в спелеонавтике – пусть добровольных, но длительных заключениях под землей.

Групповая изоляция. Это удел всех малочисленных экспедиций и групп, и не только при работе в горах и пещерах. Подобные ситуации прекрасно описаны еще Джеком Лондоном. И здесь на первый план выступает проблема психологической совместимости членов команды. Конфликты на подземных тропах, вызванные не только особенностями характеров участников предприятия, но и самим фактом групповой изоляции – не редкость. Не только в кейвинге – история всех экстремальных видов человеческой деятельности знает множество примеров конфликтов, порождающих зачастую тяжелые последствия, вплоть до человеческих жертв. Отсутствие возможности сейчас же, немедленно выйти на поверхность, сойти с маршрута, вернуться в привычные условия – исподволь давит на сознание. Залогом удачи или поражения любой экспедиции является решение проблемы подбора не только соответствующего по квалификации, но, прежде всего, малоконфликтного состава.

Малоконфликтного, потому что абсолютно бесконфликтных групп не бывает. Все дело в умении находить компромисс, взаимоприемлемый выход из трений, не допустить его необратимого развития.

И завершает список психотравмирующих факторов прямая угроза для жизни, которую, хотим мы или нет, но так или иначе постоянно ощущаем на подземных маршрутах.

Все перечисленные факторы воздействуют на кейвера с той или иной степенью интенсивности.

Если экспедиция правильно спланирована и организована, часто и в голову не приходит, что они существуют.

Память человека удачно устроена – нам свойственно забывать о неприятностях, в лучшую сторону трансформировать восприятие удачно преодоленных трудностей и испытаний, из которых удалось выйти с честью.

Поройтесь в памяти – дороже всего воспоминания о самых трудных, но удачно окончившихся минутах...

* * *

...Лыжня скатывается в ущелье, вьется между сосен и лиственниц,
перепрыгивает через замерзшую речушку, парящую редкими полынками.

Снег пройдет и растает,
Ветры кличут весну,
И меня ты, родная,
К этим дням не ревнуй.
Там в меандрах и щелях,
И в колодцах без дна –
В самом сердце пещеры
Я тебя вспоминал.

Жаль, что ты не видишь всего этого! Ущелье круто разворачивается вправо,
уступом срывается вниз. Какие же должны быть морозы, чтобы заковать в ледяную
броню этот водопад! Где-то в глубине отвесной ледяной колонны шумит вода, падая
с метровой высоты в черное озеро с ажурными закраинами льда. А впереди – на
сколько хватает глаз – заснеженная долина Катунь в бархатной зелени сосновых
боров. Через пару сотен метров канет в Катунь речка Камышлинка и покатится к
океану, вспоминая свой ледяной водопад.

Тают искры снежинок
На горячем лице,
Солнце бьет по прижимаю
Сквозь ущелья прицел.
По лыжне прихотливой
Вниз уходит наш путь.
Камышлинка, счастливо!
Ты меня не забудь!

* * *

Месяца не прошло после возвращения алтайской экспедиции, как на Кавказ
отправляется команда Олега Шищенко. В ее составе Александр Ван, Николай Петров и
Юрий Литвинов первыми из усть-каменогорцев перешагнули 300-метровую отметку,
достигнув на глубине –310 метров донного сифона одной из известных пещер хребта
Алек – Географической.

Отдельные спелеологи из "Сумгана" к тому времени побывали и на больших
глубинах. Но в том-то и дело, что в феврале 1985 года трехсот метров достигла
самостоятельная экспедиция восточно-казахстанцев.

Успех был закреплен спуском в пещеру Осенняя до ее слияния с Назаровской:
еще –310 метров!

* * *

Вернулись измученные алексскими снегами, но счастливые кавказские
рекордсмены, а уже намечается следующая, мартовская, экспедиция. На этот раз в
пещеры хребта Кугитангтау, в Туркмению, чтобы пролить свет на чудеса с "пещерой
Мумий". Шум вокруг этой пещеры был поднят всесоюзной газетой "Труд" на исходе
предыдущего года. "Труд" изо всех сил обеспечивал свою подписную компанию,
(*109) и вопросы заинтересованных сограждан камнепадом сыпались на наши
спелеологические головы:

"Неужели все это правда? Не знаете? А еще спелеологи!"

Надо было сохранить реноме. И вот, из морозов и влажных снегов Западного
Кавказа – в теплый среднеазиатский март.

– Скажите, Холмс, вы не знаете, почему здесь так жарко?

– Элементарно, Ватсон, – Ташкент!

* * *

Стоит прищурить глаза, и будто из вчера наплывает томный мотив
"Кугитангтского танго".

Здесь в каньонах крутых
Слышен гул камнепадов.
Примеряет весна
Разноцветья наряд.
Светлой дымкой мечты

Затуманит нам взгляды
Кугитанг, Кугитанг –
Наш чарующий март.

Кугитанг, Кугитанг,
Твои алые маки
Будем мы вспоминать,
Возвращаясь в апрель.
Эй, дружок, перестань!
Мы забудем едва ли,
Как шальная весна
Приоткрыла нам дверь... (*110)

Пещеры и мумии Кугитанга заслуживают отдельного повествования.

Из маков и тюльпанов Туркмении не хотелось возвращаться в снега Рудного Алтая. Но подступал апрель, и новое дело требовало напряжения сил всего клуба. Впервые в Казахстане мы проводили открытые областные соревнования по технике спелеологических исследований. В Усть-Каменогорск съехались команды и представители Алма-Аты, Целинограда, Джамбула, Актюбинска, Лениногорска и Белоусовки. Два дня жарких "сражений" на скальных дистанциях принесли победу хозяевам соревнований. Примечательно, что третье общекомандное место на этих соревнованиях заняла команда спелеоклуба "Вертикаль" поселка Белоусовка Восточно-Казахстанской области.

* * *

Клуб "Вертикаль" – явление в Казахстанском кейвинге неординарное. Его деятельность неразрывно связана с именем Юрия Дмитриевича Бессергенева.

В который раз убеждаешься: есть человек – будет и дело. Без лидера, берущего все на себя, не боящегося работы и ответственности, ничего не получится.

Что такое Белоусовка? Небольшой шахтерский поселок городского типа в часе езды от областного центра. Но появился в Белоусовке Юрий Бессергенов. Непоседа и мастер на все руки. Три его самодельных трактора трещали движками, распахивая огороды соседям да таская тележку со школьниками и их снаряжением на скалодром у горы Гребенюшка – так "вертикальцы" ездили на тренировки.

Учитель труда местной школы, Бессергенов хороводил детвору, водил их в туристские походы. И снова – пацаны-школьники. Именно они составили, как некогда в "Кальците", костяк бессергеновского детского туристского клуба "ЛВС". ("Ловкие, Веселые, Смелые", – немного смущаясь, пояснял Юра на туристских сборищах в городе, где белоусовцы сразу же заявили о своих серьезных намерениях, потеснив с призовых мест иные именитые клубы взрослых туристов).

Юра водил своих питомцев в походы по родному краю, а сам уже задумывался, чем бы заняться посерьезнее. Поэтому он с живостью откликнулся на предложение включиться в спелеологические исследования в контакте с клубом "Сумган". Белоусовский клуб взял новое название "Вертикаль" и принялся перевооружаться. Результат превзошел все ожидания. На первых казахстанских соревнованиях бессергеновцы обошли все секции и клубы республики, кроме своих земляков и побратимов из Усть-Каменогорска.

После ряда поисковых и разведочных вылазок на Горный Алтай, в 89 году "Вертикаль" самостоятельно проводит крупную и технически сложную экспедицию на Арабику, где вместе с москвичами и бельгийцами успешно штурмует очень непростую кавказскую пропасть имени В.Илехина – практически километр до "сухого" дна. Это ли не показатель уровня, не критерий успеха? Как сравнить маленькую Белоусовку с крупными городами, вроде Караганды, Чимкента, да и с другими, что так и не смогли подняться на высший уровень в кейвинге? Казалось бы, там и снабжение лучше, и информации больше, и интеллектуальный уровень повыше – студенты, специалисты, институты и т.п.

Оказывается, не в этом соль. В Белоусовке был лидер! И жил клуб, сотни мальчишек и девчонок проходили через него, соприкасаясь с красотой Природы, направляемые добрыми руками человека без высоких званий, постов, достатка – Юрия Дмитриевича Бессергенева.

* * *

Только отерли пот своих соревнований – подступил май. А вместе с ним отъезд сборной Казахстана на 2-й Всесоюзный слет туристов в Яремче. В составе сборной

на Карпаты уезжает команда спелеологов, и в ней, кроме алмаатинца Саши Шакалова, все остальные представители "Сумгана".

Сколько раз в этом году мы встречали весну? На Кавказе, в Туркмении, дома...

Что касается Карпат, то там уже всю властвует лето. Турбаза "Гуцульщина", гостеприимно разместившая слет, купается в хвойной зелени. Здесь же, на скалистых берегах Прута, состязаются туристы всех мастей. Только спелеологи живут на выселках – в пионерском лагере "Огонек" на окраине Яремчи. И скалы наши в такой дали, что и участникам добраться нелегко, не то что зрителям. Спелеотуризму, при случае, всегда напоминали о его месте в системе самодеятельного туризма – с кувшинным рылом, да в Калашный ряд!..

Нет худа без добра! Каждый день, поднимаясь к месту соревнований, мы проходим тропой, проложенной по заросшим ельником линиям австрийских укреплений времен Второй Мировой войны. Даже через десятки лет из этих оплывших сооружений проступает тщательность, с какой были выбраны места расположения пулеметных и пушечных дотов, рассчитаны и расчищены сектора обстрела. Вот с этого бетонного бункера, как на ладони, виден мост через Прут.

И становится страшно. Неужели здесь можно наступать? Наступать и победить? Чтобы мы могли беспечно штурмовать свои пещеры?

Сможем ли мы когда-либо оценить, что сделали для нас наши родители, деды и прадеды?

* * *

Осталась под крылом самолета Молдавия, Карпаты, Яремча.

Промелькнула цветной картинкой Москва...

И снова весна – которая уже весна этого буйного 85-го?

Алма-Ата, Джамбул, необычно зеленые горы Каратау, дороги, дороги... Майская экспедиция "Боролдай-85". В ее составе геологи Казахской Академии Наук Костя и Рустэм. Даже республиканский спелеошеф – Володя Толмачев, с нами. Ведь мы собираемся углубить Ленинскую!

Удачные экспедиции бывают часто, но чтобы постоянно везло – это уже слишком! Линия жизни всегда здорово смахивает на синусоиду. "Ленинская-85" – это загадка, недоступная мне до сих пор.

После наших раскопок в октябре 1979 года, Толмачев все время помнил о Ленинской, – ведь она продолжалась неизвестным колодцем за гротом Рудокопов и узостью под названием "Женская грудь".

В ноябре 1982 года, повинувшись неведомому порыву, Толмачев буквально дарит Ленинскую свердловчанам, поведав им о найденных нами перспективах. Впрочем, Толмачев всегда был, прежде всего, геолог, и уже потом спортсмен. Наверно, ему было важно узнать, что там за откопанным нами лазом, а уж с помощью кого узнать – дело десятое.

Как бы там ни было, свердловчане, повизгивая от предвкушаемых перспектив, отправляются на Боролдай, расширяют и проходят узость и попадают в прекрасный 80-метровый колодец.

В итоге Ленинская, по их сведениям, дает -160 метров.

Просматривая письма того периода, я обнаружил, что знал об успехе свердловчан в Ленинской еще до нашей экспедиции 84-го, а тем более 85-го года. Но ровно за год до описываемых событий происходит удивительная вещь.

* * *

Летняя экспедиция "Боролдай-84". Размявшись на более простых пещерах, мы спускаемся в Ленинскую. После узостей первых 45 метров протискиваешься через гадкий вертикальный калибр и за наклонной катушкой попадаешь в просторный 80-метровый колодец. Только заглянув в его огромную трубу, понимаешь, что имело смысл рваться через завал, чтобы увидеть такое пещерное величие! Все 80 метров спуск идет вдоль почти отвесной зеркально гладкой стены, разбитой на три части крохотными уступчиками. И вот – дно.

Но пещера не кончается. Небольшой подъем на глинистую полку, и в углу новая щель, за которой, похоже, еще один, не менее приличный, отвес.

В 84-м году спуститься в него до дна не удалось – не хватило снаряжения. Я висел на конце последней веревки в пустоте среди колоколом расходящихся стен и вглядывался в кромешный мрак под собой. Справа внизу призрачно поблескивал то ли какой-то уступчик, то ли озерцо. И слева от него – черная пустота. Все. Больше ничего не видно.

Пришлось подниматься на верх щели. Что же там, внизу?

Произвожу нехитрые вычисления. Так, до верха "восьмидесятки" 45 метров, плюс 80 метров колодца, получается 125 метров. Веревка, на которой я только что висел имеет длину 30 метров. Значит, болтался я где-то на минус 150-155. Так? И подо мной было не меньше 20-30 метров до того смутно видимого уступчика или озерка. А черный отвес слева?

Пещера явно переваливала за данные свердловчанами -160 метров! А ну как наши коллеги из СГС тоже не дошли до логического дна, но, не отличаясь Толмачевской широтой характера, решили до времени об этом не распространяться? Что ж, очень похоже на свердловские манеры...

Было от чего оживиться!

Испытанный способ прикинуть глубину - бросить в колодец камень и засечь время.

Бросаю. Даю вслух отсчет. Раз-и-два-и ... удар!.. - и - удар! - и... - едва слышный гул затихающего падения.

Над неизвестным колодцем нас с Олегом Смолинским двое. Не веря своим ушам, смотрим друг на друга: это же минимум 50 метров до первого уступа, потом еще уступ и еще...! Сколько же этот колодец?

С полчаса бросал я камешки в черную щель. И каждый раз раздавался загадочный перестук камня, уходящего на большую глубину по невидимым уступам.

Пещера продолжалась!

Мы уезжали полные надежд.

* * *

Бросок с Карпат на Каратау был вызван стремлением решить эту задачу. И решить как можно скорее. Теперь-то, в мае 85-го веревок у нас было больше, чем достаточно!

И вот - Ленинская. Закрытый мощным слоем снега, вход в ее воронку выглядит необычно. И внутри все по другому.

...Едва ступил на дно "восьмидесятки", сразу почувствовал - что-то изменилось. Майский Боролдай был засыпан снегом, и в пещере было полно воды. Такой воды на Каратау мы еще не знали. Если на "восьмидесятке" только сильно дожило, то ниже, в неведомый нам колодец, шумел настоящий водопад. Поэтому камень я припас побольше. Подобрался по скользкому глиняному откосу к устью щели над неведомым отвесом и бросил, надеясь услышать волшебную музыку прошлого года.

Но... что это? Глухой удар о дно и больше ничего?

Неужели?..

Да, колодец оказался один. Пятьдесят метров спуска в колоколе под мощным душем и приземление на покрытое натеком круглое дно. Вода, весело журча, уходит в узкую горизонтальную щель. Все!

Это было фиаско. Свердловчане спускались в этот колодец. Дальше не просочится и кошка. Нас ввела в заблуждение их неточность в измерении глубины пещеры. Но не только. Что ж это были за галлюцинации с грохотом камня по каскадам?

Я не знаю этого до сих пор.

А ведь я слышал этот грохот. Иначе зачем было собирать целую экспедицию? И ехать на чертов Каратау в который раз?..

Зато какие тюльпаны росли на плато! Таких не бывает и на лучших базарах. Не только алые - огромные желтые и черные цветы прятались по воронкам, поближе к снегу.

Потому что наверху уже набирал силу Огнедышащий Дракон - Солнце.

* * *

А переломный 85-й продолжал раскручивать цепь экспедиций.

Август. Под флагом "Сумгана" на Южном Урале собирается более пятидесяти кейверов из 14 городов СССР.

Так мы с друзьями московской спелеогруппы "Фантом-иПНаст" отмечали 10-летие нашей встречи в Кутукском урочище у пропасти Кутук-Сумган. Ну и понятно, продолжали исследования. Окрыленные открытием галереи Фортуны двумя годами ранее, мы продолжали раскопки. Но неудачно. В конечном тупике галереи мы заглубились метра на три по вертикали, но проткнуть мощную глиняную пробку так и не удалось. А из боковой штольни - пробитой вдоль полузанесенной глиной сводчатой галерейки, узким лазом уходящей все дальше, - нас вытеснила

углекислота. Ее, концентрация которой из-за интенсивной работы и плохой вентиляции порой достигала угрожающей концентрации – в забое гасли свечи.

* * *

Наступил сентябрь, и снова событие. Состоялся Первый областной слет спелеологов Восточного Казахстана.

Снова – Первый! Сколько всего "первого" выпало на долю замечательного 85-го! Здесь, на слете, мы провозгласили областной клуб спелеологов, объединивший единомышленников Усть-Каменогорска, белоусовского клуба "Вертикаль" и лениногорской "Радуги". Лениногорцы, возглавляемые Владимиром Константиновичем Кочетовым, дополнили трио городов Востока, где получил развитие кейвинг.

* * *

Так завершился процесс фактического переноса центра Казахстанского кейвинга на восток республики. Здесь мы сумели подготовить кадры спелеологов-любителей, не только численно, но и качественно превосходящие все остальные регионы республики. Казалось бы, простейшая логика подсказывала мысль о необходимости переноса на Восток и формального центра республиканского спелеотуризма.

Ан, не тут-то было! Казтурсовет принципиально воспротивился. Невзирая на мнение спелеообщественности республики, поддержку Центральной спелеокомиссии в Москве, очевидную пользу для дела – наши предложения были отвергнуты, а лидеры Востока заклеены.

О пользе дела чиновники от туризма думали меньше всего.

Плетью обуха не перешибешь. Мои отношения с Казахским республиканским советом по туризму и экскурсиям серьезно ухудшились.

К счастью, через год восточно-казахстанский кейвинг в полном составе вышел из системы советского самодеятельного спелеотуризма. Так что мне не пришлось более встречаться с моими "доброжелателями".

Но все это было еще впереди. А пока шел 1985-й, до предела насыщенный событиями, год.

* * *

Подошел октябрь, и наш путь снова лег на Кавказ.

На Всесоюзный семинар Высшей спелеоинструкторской подготовки мы уезжали вдвоем с Шынгысом Дүйсекиным. Уезжали, еще не зная, что здесь, на Алека, будет положено начало новой эры в советском кейвинге, открыть которую будет суждено нам – Восточно-Казахстанскому клубу "Сумган".

Громковато конечно сказал – Эра. Но, как гласит словарь, "эра" – это крупный исторический период, коренным образом отличающийся от предыдущего. Как иначе назвать массовый переход советских спелеологов от нашей архаичной двухопорной системы хождения по вертикалям – к всемирно принятой технике одинарной веревки – SRT: Single Rope Techniques. Так что терминологически все точно.

Принципиально новая техника подарила нам доселе неведомое наслаждение кейвингом. И, кроме всего прочего, – возможность говорить с зарубежными коллегами на одном языке.

Тогда, в 85-м, никто из нас не знал, что через несколько лет не только старая вертикальная спелеотехника – рухнет и развалится вся советская соцкомсистема, засыпав и едва не похоронив под своими обломками наше любительское спелеодвижение.

А пока, завершая этот нелегкий, но славный год, мы со Стариком Дүйсекиным ехали на Кавказ, в объятья милого сердцу хребта Алек, еще не ощущая ветра близких перемен, где и нам посчастливилось сказать свое слово.

*105 К.Б.Серафимов "Наш поезд", Бийск, январь, 1985г.

*106 К.Б.Серафимов "Прощальная", Горно-Алтайск, 1985г.

*107 В.И.Лебедев "Личность в экстремальных условиях", Политиздат, Москва, 1989г.

*108 Ханашвили М.М. "Информационные неврозы", Л., 1978г.

*109 См. "Труд" №№ 236, 239, 241, 242, 245 и др. за 1984 год, статьи под общим названием "Тайны Кугитанга".

*110 К.Серафимов "Кугитангское танго", хребет Кугитанг-тау, март, 1985г.

Константин Борисович Серафимов
"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com